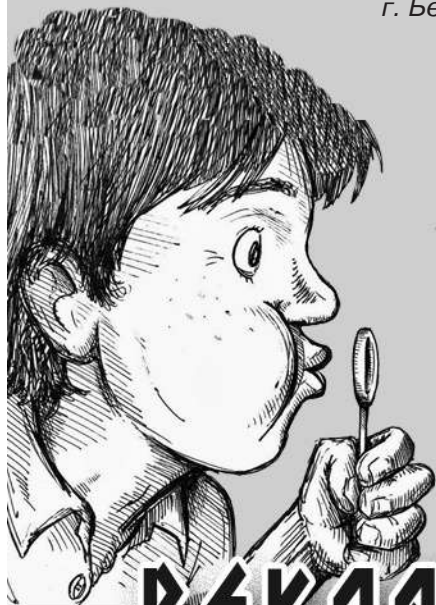
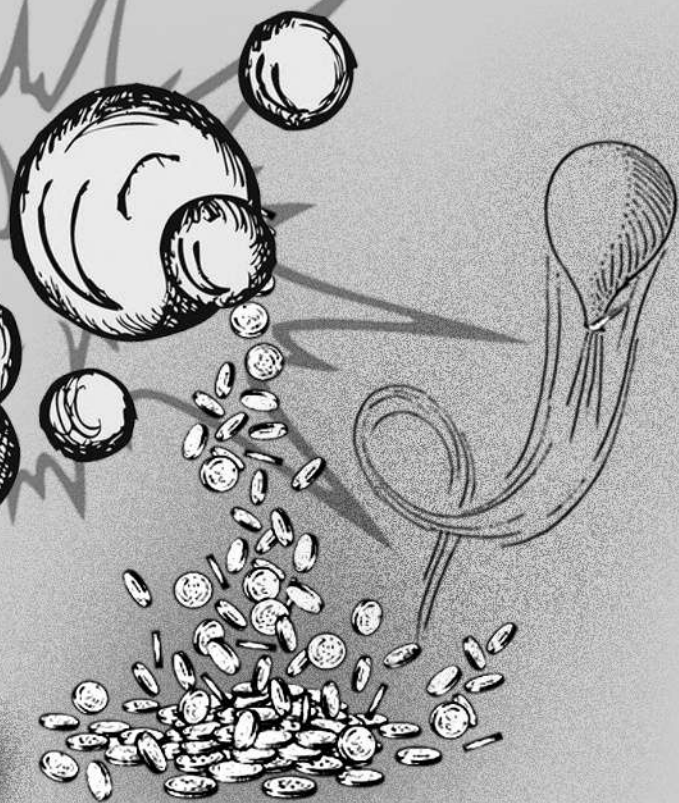

Олег РОМЕНКО*г. Белгород*

РЕКЛАМЩИКИ

В середине нулевых рынок наружной рекламы в России переживал бурный рост. Вход в этот бизнес почти не требовал начального капитала, поэтому количество рекламных агентств в нашем городе быстро перевалило за сотню. Вчерашние таксисты, учителя, бухгалтеры, фотографы, домохозяйки и даже недоучившиеся студенты с волчьим блеском в глазах ринулись осваивать перспективную нишу.

Вести такой бизнес было несложно: открыл ИП, взял предоплату с клиента, закупил материалы, нанял рукастых мужиков, выброшенных с развалившегося завода, и вот ты уже не баранку крутишь с замыленными глазами, а предаёшься сиесте в своём офисе, закинув ноги на стол, и солнце вращается вокруг тебя.

Конечно, случались накладки. То рукастые мужики оставались без вознаграждения и в качестве компенсации забирали рабочий инструмент у коммерсанта. То заказчик вместо композитной обшивки наружной стены своего магазина и гламурного козырька с объёмными световыми буквами получал унылый долгострой. Но это всё мелочи жизни. Главное, чтобы деньги упали на твой счёт, а лучше в карман. А там – замучаетесь по судам пыль глотать.

Завод-гигант, на котором я ещё недавно работал

модельщиком, дышал на ладан. Многие цеха, в том числе и наш, закрыли. Пришлось мне искать другую работу, потому что кто-то шибко умный в России решил: «У нас есть нефть, а всё остальное мы купим!»

Однажды душным июльским утром я отправился на собеседование в «Дом быта». Это было пятиэтажное кирпичное здание с высоким крыльцом, расположенное в самом проходном месте нашего областного центра.

Внутри «Дома быта» я сначала чуть не потерялся от суеты, царившей в нём. Целеустремлённые люди с сосредоточенными лицами пёстрым потоком неслись вдоль серых стен по коридору. Все вместе они были похожи на огромную сороконожку, открывавшую сразу множество металлических дверей. В глазах рябило от разноцветных табличек с надписями – «Ремонт обуви», «Нижнее бельё», «Аккумуляторы», «Электронный рай», «Химчистка», «Все виды страхования»... Имя им – легион.

У меня был чёткий ориентир от директора рекламного агентства «Арлекин» Александра Васильевича Могилевского – «офис 229». Я поднялся по лестнице на второй этаж, предупредительно постучал в дверь, надавил на ручку вниз и толкнул её вперёд.

Офис оказался чуть больше стандартной советской кухни. За маленькими столами, расставленными

ми вдоль стен буквой «П», сидели три человека – мужчина и две женщины. Почти всё оставшееся пространство в их каморке занимали холодильник, кулер и лазерный принтер.

За столом напротив двери однозначно сидел тот самый Могилевский, с которым мы недавно общались по телефону и который сразу предложил перейти на «ты».

Это был упитанный человек лет тридцати с пивным брюшком, небритым лицом и длинной пшеничной чёлкой, которую он откинул пятернёй со лба, чтобы лучше меня рассмотреть. В футболке, шортах и пляжных тапочках Могилевский не был похож на директора в моём представлении.

На столе перед ним лежали закрытый ноутбук и пачка «Винстона» с серебристой сувенирной зажигалкой. Двумя пальцами левой руки Могилевский держал пластиковый стаканчик с суррогатным кофеком из ларька. Сделав глоток, директор почмокал губами-варениками и поставил стаканчик на стол. Затем он сложил одну руку на другую, как школьник за партой, и, уставившись на меня серыми подзаплывшими глазами, крикнул:

– Ну, рассказывай! С чем к нам пожаловал?!

Я рассказал, как мы делали на заводе модельную оснастку для машиностроения, чем очень гордились. Потом рассказал, как новые собственники закрывали одно за другим прибыльные производства, решив переоборудовать цеха под складские помещения, а инженерный корпус под торгово-офисный центр. И теперь работы по моей редкой специальности в городе больше нет, а скоро её не останется в России вообще.

– Жалко, что такие профессии исчезают у нас, – директор опустил глаза, сальный взгляд которых не вязался с попыткой Могилевского изобразить сочувствие на лице.

Я сказал, что работа в наружной рекламе близка работе модельщика, потому что она такая же интересная и нестандартная, требующая творческого подхода и умелых рук, и что мне хотелось бы попробовать.

– Ясно! – кивнул Могилевский, и чёлка словно срезала половину его лица, оставив только картофельный нос, щёки бурундука и толстогубый ухмыляющийся рот над двойным подбородком директора. – Тогда давай знакомиться!

Он потянулся, хрустнув суставами, широко зевнул, а затем встал и бесстыдно выпятил своё арбузное пузо, обтянутое бело-голубой полосатой футболкой.

– Это Татьяна Михайловна Твердохлебова! – указал левой рукой директор на сидевшую за соседним столом сорокалетнюю крашеную блон-

динку с болезненно покрасневшими белками глаз, в джинсах и светлой майке. – Она у нас директор по непроизводственной части.

Компаньонка Могилевского даже ухом не повела в мою сторону, вперившись взглядом в монитор своего ноутбука.

– Таню-юш! – укоризненно улыбнулся директор.

– Саш, я занята! – раздражённо огрызнулась Твердохлебова.

– Мариш! – весело окликнул Могилевский сидевшую за его спиной у окна третью обитательницу офиса.

К нам обернулась худенькая остролицая девушка лет семнадцати с плетёными косицами и в очках с большими круглыми линзами.

– Это наш менеджер по работе с клиентами! Марина Александровна Клюева! – глаза директора заблестели, а по лицу расплылась сальная ухмылка.

Менеджер пришибленно хохотнула и отвернулась к окну, где на подоконнике стояли зелёные цветы в глиняных горшках.

– А как насчёт денег? – спросил я.

Могилевский сразу помрачнел, а в его печальном взгляде читалось: «А я-то думал, что мы теперь друзья!»

– Да, деньги сейчас самое главное для всех, – грустно усмехнулся директор и снова сел за стол. – Давай так! Первый месяц мы платим тебе пятёрку, пока ты учишься, а потом будешь получать десятку, как наш паренёк-монтажник.

– Саш! – вскричала как ошпаренная Твердохлебова. – Давай выйдем на пару минут!

Пошушукавшись пять минут в коридоре, они вернулись и расселись на свои привычные места.

– В общем, первый месяц – четыре, второй – пять, а дальше посмотрим, – скривил кислую мину Могилевский, глядя на меня страдальческим взглядом человека, с которого живьём сдирают кожу.

– Это как-то совсем уныло, – огорчился я.

В дверь постучали, и в офис заглянул сухощавый пожилой мужчина в тёмных очках, лицом похожий на Андропова.

– Ребят, у меня к вам просьба! Выслушайте, пожалуйста! У нас дом в Стрелецком сгорел! Если есть возможность, помогите! – и, обратив внимание на мой опечаленный, как на похоронах, вид, мужчина добавил. – Может, я не вовремя зашёл? Извините!

– Ой, не вовремя вы зашли, мужчина! – тяжело вздохнул Могилевский, откинувшись на спинку стула и закатив глаза в потолок. – Ой, не вовремя!

Человек, похожий на Андропова, ещё раз извинился и скрылся за дверью.

– Смотри сам! – опустил глаза Могилевский. – Никто тебя не неволит. У нас не крепостное право.

В тот момент только сюда требовались рекламщики без опыта работы, поэтому я решил попробовать.

– А можно посмотреть вашу мастерскую? – спросил я.

– Да не вопрос! – оживился директор. – Спустишься на первый этаж, выйдешь во внутренний двор и там увидишь второй гараж слева от себя. Посмотри, попробуй! Раньше сядешь, раньше выйдешь!

Через минуту я вышел во двор под палящее солнце. Только в одном из пяти гаражей, возле которого стояла бордовая «четвёрка», была распахнута настужная дверная калитка. Этот чёрный прямоугольник в воротах посреди залитой солнцем раскалённой асфальтовой пустыни навевал приятную прохладу.

Но заскочив в спасительный сумрак, я остановился на пороге гаража, чтобы осмотреться. И правильно сделал, потому что правее от меня зияла смотровая яма глубиной с могилу. За ней до самой стены тянулся стол в виде листа ДСП три на два метра, накинутаго сверху на сварной металлический каркас с четырьмя ножками.

Над столом были закреплены две люминесцентные лампы, одна из которых моргала. А на самом столе грудой лежали вырезанные из акрила и обклеенные плёнкой бирюзового цвета объёмные буквы с окантовкой из пластика. К стенам притулились большие обрезки листов пвх, поликарбоната, оргстекла, оцинковки. В дальнем углу находился картонный короб, из которого торчали плотно притиснутые друг к другу тонкие рулончики самоклеящейся плёнки всех цветов радуги.

Прямо передо мной на хлипком офисном стуле с разъехавшимися ножками сидел, согнувшись вдвое, высокий худощавый паренёк лет двадцати в чёрных джинсах и зелёной клетчатой рубашке с коротким рукавом. Уперевшись левым локтем в колено, а виском в запястье, он смотрел в пол невидящими глазами. Тяжело дыша, он часто затягивался сигаретой с такой силой, что на щеках появлялись глубокие, как колодцы, ямки.

За спиной паренька на столе мерцал старенький монитор, на экране которого отображалось меню музыкального проигрывателя. Из колонок по гаражу разносился душеспатательный голос, пробирающий до першения в горле и чесотки в глазах: «Там под окном «зека». Проталина тонка. И всё ж ты не долга, моя весна...»

– Привет! – поздоровался я с незнакомцем.

Паренёк распрямылся и посмотрел на меня. У него были неуклюжие длинные руки и ноги, впалая грудь, узкие плечи и смазливое лицо метиса. В его облике над европейскими чертами явно преобладали восточные, скорее кавказские.

– Здорово, если не шутишь! – насмешливо откликнулся паренёк.

– Ты монтажник? – спросил я.

– Я начальник цеха наружной рекламы! – обиженно, как детсадовец, надул губы он.

Мы быстро поладили с Саньком Рукавицким. Он оказался довольно говорливым пареньком. Чтобы завоевать его расположение, достаточно было не мешать ему изливать свой поток сознания.

Саньку был двадцать один год, на семь лет меньше, чем мне. Недавно Рукавицкий пришёл из армии, устроился официантом в ресторан и через полгода женился на забеременевшей от него коллеге. Сейчас у них маленькая дочь, которая очень мешает Саньку спать по ночам. Работать в таких значных местах, как бары, кафе и рестораны, жена Рукавицкому категорически запретила, поэтому он и оказался у Могилевского.

Голос из колонок теперь звучал развязно и нагло: «Давай, давай, красючка! Не в кредит танцуйшь – новыми пятачками плачу!»

– Васильич – лох! – соловьём заливался Рукавицкий. – Он всю жизнь поднимал чужие бизнесы. Сначала Липатова, потом Зайцева, потом Корнейчука. Как только у этих коммерсов всё налаживалось, они давали ему пендаля. От него жена с двумя детьми ушла, потому что он деньги в игровых автоматах просаживает!

– А сейчас? – забеспокоился я.

– Видел в офисе стерву крашеную?

– Твердохлебову? – уточнил я.

– У неё муж бандит! Тачками занимается! – продолжал тараторить Рукавицкий. – Она двух бандюмен родила, а сидеть с ними не хочет. Бизнесвумен решила заделаться. Твердохлебов Васильичу плоттер подарил и жену свою в компаньонки пристроил. Так что у них всё фифти-фифти.

А голос из колонок всё подзуживал: «Ты ж ножками, ножками давай! Душа за Россию болит!»

– Ха! Сука! – переключился на проигрыватель Санёк. – Душа у него за Россию болит! Ты веришь ему?! А знаешь ещё что?!

– Что? – стараясь не потерять самообладания, эхом отозвался я.

– Видел, там чахленькое тельце у окна сидит? Маришка! Она спит с Васильичем! – тихо воскликнул он. – Девочка окончила ПТУ на кассира, живёт с мамой в общежитии, для неё даже такой лошок, как наш шеф, предел мечтаний!

– Да он же раздавит её? – не поверил я.

– Ну, позы разные бывают, – усмехнулся Рукавицкий. – А знаешь, сколько она получает? Десятку! Как и я!

– Поздравляю! – пошутил я.

Самопровозглашённый начальник цеха вскочил со стула и стал нервно загибать пальцы:

– Вот смотри! Я – монтажник! Я – макетчик! Я – сварщик! Я – водитель!

Последний оставшийся не загнутым большой палец нервно вибрировал, потому что Рукавицкий не мог придумать ему профессию.

– Кто ещё я?! – спросил он себя и завис.

– Начальник цеха наружной рекламы, – подсказал я.

– Ну! Во! – обрадованно собрал все пальцы в кулак Рукавицкий. – Я всё умею, а получаю, как Маришка! Разве это справедливо!

– Это суперсправедливо! – с серьёзным видом возразил я. – Ты с Васильичем не спишь, а получаешь, как особа, приближённая к телу директора.

– Ха! – вытарщился на меня Санёк. – Ну ты приколист! С Васильичем спать, конечно, не сахар! А вот поехали со мной на монтаж и узнаешь, как мне эти деньги достаются!

– Да поехали! – почему-то после слива такого забористого компромата гаражным человеком на обитателей офиса 229 мне стало бесшабашно весело на душе.

– Я сейчас! – обрадовался Рукавицкий. – Только за кофейком в ларёк сбегаю – и поедем!

Он бодреньким живчиком направился к выходу, но тут же был отброшен назад, словно взрывной волной.

– Санё-ёк! – заорал вломившийся в гараж, будто пират на судно, Могилевский. – Что ж ты такой широкий, как шкаф! Не объедешь тебя!

– Саш! Ты сам на меня наскочил! – возмутился монтажник.

– А что ты здесь делаешь? – разошёлся, пыхтя и размахивая руками, директор, отчего чёлка у него трепетала, словно занавеска от ветра у раскрытого окна. – Одиннадцать часов, Санёк! Ты давно должен быть на монтаже!

– Саш, да собираюсь я! Главное, чтобы ничего не забыть! – защищался Рукавицкий.

– А я не вижу, чтобы ты собирался! – Могилевский куражился над единственным работником, как дембель над новобранцем.

– Саш, а можно мы с Олегом поедем на монтаж? – робко спросил Рукавицкий.

– Санёк! – театрально прижал растопыренную ладонь к груди Могилевский. – Езжай с кем хочешь! Только езжай поскорее, родной!

Директор упорно игнорировал моё присутствие, словно актёр в театре. Видимо, он принадлежал к числу тех расчётливых психопатов, которые любят устраивать ролевые игры с партнёром номер два при свидетелях.

– Давай загрузим эту шняжечку в машинку, – сказал мне монтажник, показывая взглядом на буквы на столе, – а потом вот этот шаблончик, ящичек с инструментами...

– Санёк! – ехидно усмехнулся директор. – Возьми ещё дрельку, свёрлышки, саморезики... Сань, ты вообще кто?! Мужик или баба?!

– Саш, – опустил глаза Рукавицкий, – ты же знаешь.

– А чего ты тогда канитель развёл?! – продолжал быковать Могилевский. – Быстро собрал всю эту хрень, и чтобы через пять минут ты был на «Мойдодыре»!

Быстро загрузив всё в машину, на крыше которой была закреплена серебристая монтажная лестница, мы выехали с территории «Дома быта» и повернули налево по Преображенской.

– Давай сначала на пляж! – предложил Рукавицкий.

– А разве так можно? – удивился я, глядя на календарик 2006 года под лобовым стеклом.

– Вот за это я и люблю работу в маленьких конторах! – как бывалый усмехнулся юный монтажник. – Здесь ты сам планируешь свой рабочий день.

– А вдруг он проверит? – возразил я. – Ему пешком через дворы десять минут пройти до «Мойдодыра».

– Я тебя умоляю! – рассмеялся Рукавицкий. – Этот батончик-тритончик выползает из своей пендюрки только за кофейком в ларёк.

Светофор на перекрёстке моргнул зелёным глазом, и, вместо того чтобы повернуть налево к магазину бытовой химии «Мойдодыр», открывшемуся возле остановки «Стадион», мы помчали прямо по главной улице к ж/д вокзалу, за которым находился городской пляж.

Улица Преображенская, бывшая Коммунистическая, действительно преобразилась. Фасады домов вдоль дороги подкрасили, тротуары замостили плиткой, разбили цветники, за что горожане стали называть свой город «цивильным». Но мы с Рукавицким больше всего обращали внимание на рекламные конструкции.

Ещё недавно было нормой увидеть вместо вывески кусок ДВП, на котором через трафарет было намазано краской «Одежда» или «Продукты», но теперь это стало считаться дурным тоном. Коммерсанты стремились поскорее избавиться от своего тёмного прошлого, когда они на базарах спекулировали «ножками Буша», и внести в наружный интерьер своего бизнеса респектабельность и солидность. Поэтому они стали заказывать световые короба, объёмные буквы, неоновую подсветку. Да и названия для своих магазинов и фирм стали выбирать не абы какие, а помесь английского с обоянским.

Пока мы ехали к вокзалу, Рукавицкий заделался гидом, рассказывая, какое рекламное агентство оформляло тот или иной магазин, попадавший нам на пути. Раз нам повстречались зодчие наружной рекламы. Красные, как варёные раки, все с голым торсом, они присверливали к стене дома большой баннер «Израильская косметика и космецевтика».

– Жалко пацанов, – вздохнул Рукавицкий. – В жару на монтаже работать – семь потов сойдёт. А мы сейчас освежимся, ты мне потом ещё спасибо скажешь.

Я спорить не стал. Напарник хоть и показался мне со странностями, но жить красиво умел, совмещающая работу с пляжем.

На пляже было полно народу, как будто в выходной день. Пищали дети, кричали чайки, взрослые плавали и загорали, ветер разносил едкий запах креозота.

Накупавшись от души, мы с напарником присели обсушиться на лавочку, где лежали наши вещи. Безмятежный покой нарушил телефонный звонок. Рукавицкий вынул из кармана рубашки свой кнопочный телефон и ответил на вызов.

– Алё, Санёк, ты где? – быстро проговорил Могилевский.

– Саш, я на монтаже, – невозмутимо ответил Рукавицкий.

– Что ты сказал, Санёк?! – с деланным изумлением вскричал директор. – Подожди, я сейчас ухо ближе к трубке приложу. Скажи ещё раз, чем ты сейчас занимаешься, Санёчек?!

– Саш, да хорош прикалываться! – возмутился мой напарник и зашевелил зарывшимися в песок ступнями, отчего мне показалось, что сейчас из этой кучи песка выглянет мордочка крота. – Я на лестнице висю! Сейчас грохнусь вниз, будешь мне потом производственную травму оплачивать!

– Саня, Саня, Саня! – одновременно умоляющим и угрожающим шёпотом протараторил Могилевский. – Остановись, Санёк, а то я сейчас тоже что-то не то начну говорить!

– Саш, да послушай! – обиделся Рукавицкий.

– Знаешь, где я сейчас нахожусь, Санёк?! – оборвал его Могилевский. – На объекте! Рядом со мной наш уважаемый клиент, директор магазина «Мойдодыр»! И ни тебя, ни лестницы, ни машины я не вижу на горизонте! Ты где, Санёк?! Покажи личико!

– Саш, послушай! – хрипло проговорил Рукавицкий, от волнения кровь ударила ему в голову, и лицо потемнело. – Мы забыли саморезы и отъехали до магазина. Через пять минут будем, Саш!

– Санёк! У тебя пять минут, – тихо прорычал Могилевский. – Всё! Давай!

– Зачем ты ему сказал про пять минут? – спросил я.

– А что бы ты сказал? – тупо уставился на меня напарник.

Пока мы дошли до вокзала, где припарковали машину, прошло пятнадцать минут. Потом мы не спеша цедили холодный и резкий квас, словно это было наше последнее желание перед казнью. А как только сели в раскалённую на солнце «четвёрку», раздался звонок.

– Это опять Васильич! – с глупым удивлением на лице повернулся ко мне напарник. – Чёрт! Что ему сказать?!

– Скажи, что мы в пробке стоим на Богданке, – посоветовал я.

Рукавицкий нажал кнопку, и мы услышали глухой голос перебесившегося человека, у которого уже зла не хватает:

– Где ты, гнида?

– Саш! – истерично-радостно взвизгнул напарник. – Мы в пробке стоим!

– Клиент от нас ушёл, – глубоко вздохнул Могилевский. – Ты понимаешь, что это значит?

– Понимаю, – весь сразу осунувшись, угрюмо ответил Рукавицкий.

– Меня из-за тебя сукой назвали, – отрешённо продолжал директор. – Ты слышишь меня?

– Слышу, – всё так же угрюмо ответил монтажник.

– Я тебя ненавижу! – отчеканил Могилевский и сбросил вызов.

– Сукой его назвали! – с досады бросил телефон в бардачок Рукавицкий. – Как будто это в первый раз!

– Уволят теперь? – с сожалением спросил я.

– Ха! – зло усмехнулся напарник. – Пусть сначала зарплату, что задолжал за два месяца, заплатит, а потом увольняет.

Рукавицкому этот инцидент действительно сошёл с рук, но аукнулся позже, когда Могилевский и Твердохлебова задолжали ему уже за три месяца. А пока мы с напарником трудились в гараже не покладая рук. Хотя магазины на центральных улицах уже имели кричащие по последнему писку моды вывески, но для агломерации в полмиллиона человек работы оставалось непочатый край. Тем более что к нам ехали предприимчивые северяне и южане, которые открывали новые торговые точки.

Мы с Рукавицким клепали баннеры и штендеры, клеили таблички и стенды с карманами из оргстекла, варили козырьки и собирали световые короба, крепя лампы в шахматном порядке. Тяжелее всего нам давались объёмные буквы. Бортики из пластика, которые клеились по контуру буквы к её лицевой акриловой основе, для размягчения и придания им гибкости разогрелись феном, отчего ядовитые

пары немецкого суперклея больно били по глазам, если вовремя не отвернёшься.

Вдохновлял нас на ударный труд оружий на весь гараж проигрыватель. Не зря говорят: «нам песня строить и жить помогает», но – «когда б вы знали из какого сора...» Каждый день звучали одни и те же блатные песни. Начинал Шунт: «Нам не страшен вертухай! Взял кредит – не отдавай!» Потом подхватывали «Воровайки»: «Пока нами правит базарная власть, девчонкам-воровкам найдётся украсть». А затем феерил Круг: «В Лазурном шум и песни, и там братва гуляет, и не мешают мусора».

Неудивительно, что после такой психической обработки шансоном Рукавицкий нередко в конце дня с недоумением озирал гараж и вслух спрашивал самого себя:

– И что я здесь забыл? Вроде не на помойке себя нашёл.

Я старался отвлекать его от скользких, антисоциальных мыслей личным примером в работе. Глядя на меня, напарник тоже стал шустрее двигаться. Более того, чтобы не терять время на зализывание ран, неизбежное в нашем деле при работе с макетным ножом, Рукавицкий заклеивал порезы на руках суперклеем. Это был старый метод, опробованный американскими медиками ещё во время войны во Вьетнаме, позволивший уменьшать потери и скорее возвращать солдат в строй.

Могилевский раз пять за день заходил в гараж, потирал руки и весело ухмылялся. Почти всегда он поддразнивал Рукавицкого, при этом словно не замечая меня.

– Са-анёк Рука-авицкий! – эксцентричным тоном однажды начал он. – Скажи, Санёчек, твои предки, наверное, рукавицы шили?

– Может быть, – настороженно ответил напарник.

– На зоне! Ха-ха-ха!!! – живот у директора подпрыгивал от хохота, как лягушка.

– Ой, Саш! – игриво кокетничал глазами Рукавицкий. – Я помолчу, чем твои предки занимались!

– Балбес ты, Санёк! – беззлобно ответил Могилевский, видно у него была домашняя заготовка на этот счёт. – Мои предки – белорусы! Город Могилёв! Слышал про такой? Или у тебя кол по географии был? А, Санёк? Признавайся!

В целом работа в гараже мне нравилась, и протекала она без эксцессов, а вот с монтажами постоянно происходили казусы. Видимо потому, что выпустить Рукавицкого из гаража – это как рыбу выбросить в реку.

Однажды мы должны были поехать на Спортивную, чтобы закрепить на киоске возле рынка маленький световой короб с надписью «Хлеб». Но напарник-авантюрист имел другой план:

– Давай сначала на Крейду быстро смотаемся, мне надо с бандюками одно дельце перетереть!

Через двадцать минут мы тормознули на каком-то пустыре в полуразрушенной промзоне на Константина Заслонова.

– Если боишься, можешь остаться в машине, – снисходительно усмехнулся Рукавицкий.

В моём воображении сразу нарисовалась такая картина – сначала бандюки на моих глазах «пришьют» Рукавицкого, как Шукшина в «Калине красной», а потом изрешетят пулями машину Могилевского, чтобы не оставлять свидетелей.

– Знаешь, – ответил я, – если бы у Васильича была не «четвёрка», а «тридцать четвёрка», я бы остался, а так пойдём вместе.

Когда мы вылезли из машины, навстречу нам от гаражей уже шёл парень лет двадцати пяти в серой футболке, чёрных трико, с бритым черепом и острыми злыми глазами. Он хлётко поздоровался ладонь в ладонь с Рукавицким и испытующе посмотрел на меня, а потом снова на Саньку, словно спрашивая: «Мента привёл?»

– Это мой напарник, – сказал Рукавицкий.

– Ты всё там же работаешь? – спросил бандюк.

– Ну да.

– Сколько тебе платят?

– Десятку.

– Не густо. У нас пацаны в бригаде сорокет вытягивают. Давай к нам!

– Да не могу я сейчас. Малая часто болеет, с ней сидеть надо.

– Ну, смотри.

Рукавицкий протянул бандюку длинную табличку, обмотанную стрейч-плёнкой, а тот сразу принялся срывать обмотку. На синей табличке крупными белыми буквами значилось – «Автосервис». Суровый парень дал Рукавицкому пятьсот рублей и на прощание напомнил:

– Если что, мы готовы взять тебя в долю!

Когда мы обратно сели в машину, напарник первым делом глубоко выдохнул:

– Пошёл ты на фиг со своим сорокетом! Я не хочу, чтобы мой ребёнок рос без отца, пока я буду на зоне чалиться. У Васильича надёжней и безопасней, правда?!

– Да не поминал бы ты его, – едва успел сказать я, как у Рукавицкого зазвонил телефон.

– Алё, Санек! Только не рассказывай мне, что ты сейчас на монтаже!

– Саш! – радостно взвизгнул Рукавицкий, как собака, услышавшая голос любимого хозяина. – Я скоро буду на объекте! Ты только не уезжай! Я уже на Щорса!

– Да не суетись, Санёк! – захохотал Могилевский.

– Я сейчас в офисе. Просто я знаю тебя как облупленного. Ты вечно болтаешься, как «оно» в проруби, лишь бы не работать. Полгода уже воспитываю тебя, Сань, а ты не меняешься. И как мне с тобой быть?

– Саш, я через пять минут буду на месте!

– Чтоб через две минуты висел у меня на лестнице и долбил крышу перфоратором, дятел, ясно тебе?! – заорал Могилевский и бросил трубку.

– Маришку свою поучи щи варить, воспитатель хренов! – закричал в ответ Рукавицкий, после того как услышал в трубке короткие гудки.

Потом всю дорогу, и даже когда мы устанавливали световой короб на крыше киоска, напарник продолжал бухтеть:

– Я их всех кормлю, а они мне гадят! Надо пожестьче с этими офисными (тут он употребил неприличное слово, которое я заменил на политкорректное) геями! Надо их всех на колени ставить! И Васильича, и Михаловну, и Маришку!

Вскоре ему представилась возможность проявить себя во всей красе. Я отработал месяц без зарплаты, а Рукавицкому задолжали уже за три.

Однажды бархатным солнечным утром на исходе лета мой напарник метался по гаражу, как зверь в клетке. Первой из начальников в тот день приехала Твердохлебова в маленьком голубом «Пежо». Только она лениво вылезла из машины, щурясь красными от недосыпа глазами, как к ней тут же подскочил с челобитной Рукавицкий:

– Татьяна Михайловна! Мне деньги нужны!

– Саш! Мне они тоже нужны! – Твердохлебова дала понять, что не на ту напал.

– Мне семью кормить нечем! – рыдающим голосом убеждал Рукавицкий.

– Саш! А давай я тебя усыновлю! – насмешливо прыснула Михаловна. – Если ты неспособен решать свои проблемы – ты не мужчина! Нет, правда, давай я тебя усыновлю.

– Отдайте мне мои деньги!

– А что ты сделал, Саш? За что тебе платить? Ты забыл, как мы с Александром Васильевичем тебя всё лето на пляжах отлавливали?

– Это было один раз!

– Саш, не морочь мне голову! – скривилась директриса и посмотрела в сторону «Дома быта». – Денег у меня нет. Иди работай.

Через десять минут подъехали Васильич с Маришкой на «четвёрке». Маришка сразу побежала в офис, а директор зашёл в гараж поздороваться:

– Привет, Санёк!

– Саш, – понуро опустил голову Рукавицкий. – Тут такое дело...

Могилевский пятой точкой почувствовал, что сейчас речь пойдёт о деньгах. Он тоже опустил

голову, сунул руки в карманы, как гопник, и хрипло выдавил из себя:

– Ну, говори...

– Саш, мне деньги очень нужны! У меня с женой нелады... – начал канючить Рукавицкий.

– Санё-ёк! – мрачно заревел Могилевский.

– Саш... – попытался вклиниться Рукавицкий.

– Санё-ёче-ек! – еще громче проревел директор. – Послушай, родной! Все беды из-за баб!

– Саш, да я понимаю, но мне нужны... – попытался перевести разговор в конструктивное русло Рукавицкий.

– У меня у самого два таких, как ты, пацана подрастают! Как они будут жить, мне даже страшно подумать об этом, Саня! – закатил глаза вверх Могилевский, неравномерно хватая воздух, как астматик. – Все беды из-за баб!

– Саш, да послушай! – чуть не плача пытался достучаться до него Рукавицкий.

– Знаешь что, Санёк! – глаза директора весело заблестели. – А пойдём, я тебя кофейком угощу в «Оранжевом острове»!

– Саш, у меня семья! – на грани истерики вскричал монтажник.

– Послушай, Санёк! – ободряюще тронул Могилевский Рукавицкого за плечо. – У всех нас есть проблемы. Если всё, что у меня в голове, слить в твою голову, знаешь, что с тобой будет, Санёк?! Ты с ума сойдёшь! А я живу с этим! Вот так-то! Пойдём кофеёк пить!

Директор захватил обезволенного монтажника за шею сгибом локтя, пригнул вниз и потащил, как лиса курёнка, за собой к ларьку.

В гараж Рукавицкий вернулся совсем расстроенный и сказал, что на деньги можно не рассчитывать. Могилевский объяснил ему, что Твердохлебова собирается в Таиланд, но муж дал ей денег в обрез, чтобы она не позволила себе ничего лишнего. Тогда Михаловна попросила Могилевского занять денег у её мужа якобы на нужды фирмы, а потом эти деньги тайком передать ей. А на днях Рукавицкий сам стал свидетелем сцены в офисе, устроенной бывшей сотрудницей, которую сменила Маришка. Беременная девушка, уволившаяся полгода назад, требовала расчёта и грозила судом. Могилевский побежал в ломбард и заложил ноутбук, чтобы погасить долг по зарплате.

– Ну вот! – сказал я. – Нашёл же он выход из положения! Пусть возьмёт кредит и заплатит нам положенное! Мы честно работали и не виноваты, что эти сволочи живут не по средствам.

– Как же, возьмёт он! – криво усмехнулся Рукавицкий.

– Ты же сам говорил, что надо с ними пожестче!
– не отступал я.

– Ну?

– И что надо их на колени ставить!

– Ну?

– Давай завтра не выйдем на работу!

– А если уволят?

– Так твоё положение хуже безработного! Тот дома сидит без денег, а ты, мало того что без денег, так ещё и работаешь задарма.

– Ну да, ты прав! – согласился напарник.

Утром в десять утра, когда я выспался и не топясь завтракал, мне позвонил радостный Рукавицкий:

– Приезжай на работу! Васильич нам зарплату выдаст!

Через полчаса я был на месте. Могилевский сидел в углу, боком к мерцающему в полумгле монитору, вытянув ноги перед собой. Правая рука его лежала на столе вдоль клавиатуры, а ладонью левой он упёрся в колено. Голова директора была наклонена вниз, а лицо искривилось так, что можно было подумать, будто у него сердце расшалилось. Поза называлась – «довели человека».

А Рукавицкий тем временем беспокойно расхаживал по гаражу, как курица в ожидании корма. Заметив меня, он раскудаhtался, замахав руками как крыльями:

– Ну, наконец-то, мы тут уже заждались...

Могилевский выпрямился, смахнул пальцами чёлку со лба и вынул из кармана шорт свёрнутую пополам стопку зелёных купюр.

– Ну, приступим, – страдальчески вздохнул директор. – Только сразу предупреждаю! Тебе, Санёк, пока за один месяц могу отдать.

– Ну, хоть так, – охотно согласился Рукавицкий.

Могилевский снова опустил голову, и чёлка опять упала ему на глаза, что нисколько не мешало подсчёту. Директор с закрытыми глазами тщательно мусолил двумя пальцами каждую купюру, а его пухлые губы еле слышно шептали:

– Пять, шесть, семь...

Мне казалось, что легче из камня выжать воду, чем добиться денег от Могилевского. Но нам удалось это, и настроение было приподнятое, несмотря на то что зарплата Рукавицкого была похожа на пенсию, а моя на стипендию.

– Ну что? Вы будете работать дальше? – неуверенно спросил директор.

Мне хотелось сказать: «Ты бы деньги платил людям нормальные, и не возникало бы у тебя глупых вопросов».

– Да, сейчас начнём, Саш, – заверил Рукавицкий.

– Санёк! – поморщился Могилевский. – Я не про сейчас, а вообще.

Тут мы оба промолчали. Этот вопрос был ещё глупее первого. Вроде пресловутого стандартного вопроса на первом собеседовании: «Кем вы видите себя в нашей компании через пять лет?»

– Ясно! – с кряхтением поднялся, держась за поясницу, директор.

Когда он вышел, я спросил напарника:

– Почему твой Васильич не пострижётся нормально? Вечно волосы на глаза лезут.

– Он такой же мой, как и твой, – немного обиделся Рукавицкий. – А ты не в курсе, что он фанат «Мумий Тролля»? Это он под Лагутенко косит и носит длинную чёлку.

– Никогда не видел фанатов «Мумий Тролля». Я думал, таких идиотов не существует в природе.

– Один из них только что вышел отсюда, – хохотнул напарник. – Хорошо хоть деньгами подогрел. До сих пор не верится.

Михаловны в этот день уже не было с нами. Она улетела в Таиланд, и эти две недели без неё были самыми светлыми за всё время моей работы в этом рекламном агентстве. Я, конечно, не согласен с Васильичем, будто «все беды из-за баб». Обычно так говорят думающие, что «бабы ещё нарожают», но то, что все беды «Арлекина» связаны с Михаловной, для меня было очевидно.

После её возвращения каждую зарплату приходилось выбивать с боем. Твердохлебова истерила и костерила нас на чём свет стоит. Меня попрекала, что они с Васильичем, добрые души, повысили мне оклад с четырёх до пяти тысяч. Тошно было слушать такое, когда средняя зарплата по городу была десять тысяч.

Сущность Михаловны была такова, что если она зажала в кулаке нашу трудовую копейку, то разжать ей пальцы, фигурально выражаясь, можно было только гвоздодёром. Каждый такой «разговор о важном» заканчивался отвратительной нервотрёпкой, и у меня крепло желание поскорее уйти оттуда. Но в конце года случилось чрезвычайное происшествие, из-за которого мне пришлось немного задержаться.

Однажды в начале декабря мы с Рукавицким сидели в натопленном гараже и потихоньку клеили таблички для прокуратуры. Покойный Круг ублажал напарнику слух: «А сечку жрите, мусора, сами...» И тут к нам влетел взбудораженный Могилевский, весь красный, со вздувшимися жилами на шее:

– Собирай манатки, Санёк! На зону поедешь!

– Ты чего, Саш?! – не поверил, но испугался «сглаза» Рукавицкий.

– Помнишь, ты в мае козырёк со световым коробом в автомагазине на Волчанской вешал? – учащённо сопел директор.

– Помню, – ничего не понимая, широко раскрыл глаза Рукавицкий.

– Мне сейчас директор магазина звонил! – пылал гневом Могилевский, безуспешно пытаясь смахнуть прилипшую ко лбу чёлку. – Ты девочку чуть не убил!

– Какую девочку?! – одеревеневшим ртом промямлил Рукавицкий.

– Менеджера! Девочка после перекура едва заскочила в магазин, даже дверь за собой не успела закрыть, а у неё за спиной козырёк наземь рухнул, а на козырьке вот такая глыба льда! – Могилевский, насколько мог, широко развёл в стороны руки, которые у него тряслись. – Девочку всю колотит! Она до сих пор в себя прийти не может! Директор рвёт и мечет! Я пообщался со своим адвокатом, хана тебе, Санёк!

В гараж зашла Михаловна и глумливо усмехнулась:

– Я же говорила тебе, Саш, давай я тебя усыновлю. Ты ведь ещё и не жил, а уже вышел весь. А ты подумал, как твоя дочь без отца теперь будет расти.

– Да вы чего, Татьяна Михайловна! – фальцетом закричал Рукавицкий и вскочил со стула.

– Да ты сядь, Санёк! – подхватил тональность Михаловны Могилевский. – Тебе теперь долго придётся жить в положении сидя. Не зря ты всё это время блатные песенки слушал, весь их жаргон выучил, не зачмыришься на зоне.

– Саш, да ты чего, – поплыл Рукавицкий.

– Хотя постой, Санёк! – как громом поражённый с ужасом на лице застыл Могилевский, театрально обхватив голову руками. – Ты же у нас красючка! Не свезло тебе, братан! Не родись красивой, а родись счастливой! Не ходишь тебе на зоне в блатных! Знаешь, что там с тобой сделают?

Рукавицкий безмолвно смотрел на своего мучителя выпученными глазами, полными слёз. А Могилевский, набрав в лёгкие побольше воздуха, взялся кончиками пальцев за концы невидимой юбки, слегка поклонился, приподнял руки повыше, а потом поскакал и запел:

– Александра! Александра!

– Саш, да харэ! – взвизгнул насмерть перепуганный монтажник.

– Что, Санёк, не нравится?! А ты подумал о деловой репутации нашей фирмы? Если по городу пойдут слухи, кто потом ещё хоть раз из наших клиентов обратится в «Арлекин», узнав, что здесь орудуют монтажники-убийцы!

– Саш, да ты скажи, что делать надо! – в отчаянии вскричал Рукавицкий, ослепший от слёз, он

пытался ухватиться за директора, чтобы обрести точку опоры.

– Отстань! – увернулся Могилевский. – И слушай! Директора магазина я уболтал, мы всё переделаем за наш счёт, но чтобы больше без косяков у меня!

– За свой счёт переделывать будешь, – прошипела Рукавицкому Твердохлебова с красными глазами, высунувшись из-за спины Васильича, как змея из корзины факира.

– Но только быстро, Санёк, пока он не передумал. Сейчас едешь на Волчанскую, забираешь козырёк с коробом, заметаешь следы преступления, а завтра утром новый козырёк должен уже висеть на месте! – напутствовал Могилевский. – Хоть всю ночь сегодня в гараже ночуй, а сделай! Даю тебе шанс!

Не теряя времени, мы с Рукавицким сели в «четвёрку» и выехали на место происшествия. Всю дорогу меня занимал вопрос – как на козырьке могла оказаться глыба льда? Напарник рулил на автопилоте в расстроенных чувствах и ничего не смог мне объяснить.

На месте всё выяснилось. Перед входом в Т-образное строение барачного типа, где находился автомагазин, на расколотой плитке лежал сварной козырёк, изнутри обшитый оцинковкой и по стыкам запаянный герметиком, но без крышки для слива. Иными словами, это была «ванночка», в которую собиралась дождевая вода. Зимой вода обледенела, и козырёк сорвался вниз с джокерных труб, на которых он держался только за счёт хлипких саморезов. Это действительно была глыба льда, способная убить человека, и не одного.

Потрясённые каждый по-своему, мы с Рукавицким стояли молча у разбитого козырька. Только я снял шапку проветрить голову, как дверь магазина открылась и оттуда выглянула девушка, похожая на Маришку. В её глазах читалось: «Убивцы вы наши!» Наверное, это была та самая, потому что она отчаянно пискнула и убежала, хлопнув дверью.

– Как же ты до такой конструкции додумался? – спросил я Рукавицкого.

Он ответил, что хотел предоставить клиенту сервис по высшему разряду. Обычно с козырька вода стекает и заливает крыльцо, что очень мешает покупателям при входе в магазин. А вот если вода будет собираться в герметичной «ванночке», а потом испаряться под лучами солнца, то люди не ощутят последствий погодных неудобств. О том, что вода на улице зимой превращается в лёд, Рукавицкий не подумал.

Мы отсоединили световой короб в виде гигантского макета дисплея автомагнитолы, а с обледеневшим изнутри козырьком предстояло повозиться.

– Нужен ледоруб, – сказал я напарнику.

Он молча перебрался через козырёк и открыл дверь. Прямо через небольшой коридор начинался автомагазин. Но мы повернули налево, где находились служебные помещения. Рукавицкий толкнул дверь с надписью «Бухгалтерия».

В квадратной комнате сидела крупногабаритная дама с усиками, а за соседним столом приютилась наша перепуганная знакомая.

– У вас ледоруб не найдётся? – переводя мутный взгляд с одной женщины на другую, мрачно спросил Рукавицкий.

– Кха-кха, – ответила дама с усиками.

– Ясно! – хрипло выдохнул Рукавицкий и закрыл дверь.

– Э, орлы! – грозно окликнул нас кто-то сзади. – Вы чего тут шлёпаетесь?!

Мы обернулись и увидели быстро идущего к нам из другого крыла строения пожилого человека с военной выправкой. Короткие седые волосы на его голове топорщились ёжиком, на плечи был накинут зимний армейский бушлат песочного цвета с синим воротником из искусственного меха.

– Нам ледоруб нужен, – объяснил Рукавицкий.

– Так вы те самые, которые... – морщины на лице старика стали ещё глубже, а в его васильковых глазах вспыхнули презрение и сарказм. – Где же вас таких понаделали?

– В СССР, – без дураков ответил я.

– Ты поговори мне ещё! Я здесь комендант! – сурово посмотрел на меня сердитый дед. – Что же вы творите, олухи! Козырёк нормально сделать не смогли! Окажи вы в моей батарее, я бы вас к орудию на пушечный выстрел не подпустил бы! Вы бы у меня из сортира не вылазили бы с тряпками! Оба!

– Дадите нам ледоруб? – напомнил я о просьбе Рукавицкого.

– Э-э-э... – страдальчески скривился комендант. – Пойдёмте, чума и холера!

Мы направились за ним в противоположное крыло. Дойдя до середины, старик вытащил из кармана связку ключей и открыл дверь в каморку без окна. Свет включать он не стал, а осветил фонариком. Погромыхав каким-то железом внутри, комендант сказал:

– Ледоруба у меня нет. Он уже давно в Мексику уплыл. Берите лом. И смотрите, чтоб вернули и не погнули!

Потом Рукавицкий с тупым отчаянием на лице безуспешно долбил ломом лёд, видимо, размышляя о быстротечности времени, которого ему к тому же катастрофически не хватало, а я думал, как поскорее с этим разделаться.

– Кто же так следы замечает?! – наконец не выдержал я.

– На, попробуй сам! – протянул мне лом взмокший напарник.

– Давай высверлим заклёпки, снимем каркас, а корыто со льдом спихнём в сторону, – посоветовал я.

Так мы и сделали. Облегчённый каркас козырька мы подняли над опорными трубами и отнесли к машине, привязав его верёвкой вместе с корытом к багажнику на крыше.

В гараже я помог Рукавицкому подлатать световой короб, пострадавший при падении.

– А с козырьком что делать? – спросил вконец одуревший от сегодняшних приключений напарник.

– Ты меня спрашиваешь, Санёк? – ехидно усмехнулся неожиданно вошедший Могилевский. – Ты у нас начальник цеха, а я директор!

Я сказал, что надо сначала разбить козырёк, подрезать перемычки, а потом заново сварить конструкцию таким образом, чтобы у крыши был наклон набок, и тогда вода всегда будет стекать и не попадать на крыльцо.

– Ну что, тебе ясна задача, балбесина?! – сказал директор таким тоном, будто это он сам придумал план действий.

– Да, – безжизненно отозвался Рукавицкий.

Он понимал, что работа предстоит немалая, а других вариантов не предвиделось и завтра всё должно быть сделано.

– Ну так шевели колготками, красючка! – крикнул Могилевский.

В шесть вечера я переоделся, и мы с Могилевским вышли из гаража. На улице кружил невесомый снежный пух. Почти все окна в пятиэтажке «Дома быта» были жёлты. Порой в них мелькали, как в театре теней, силуэты суетливых человечков, которые ковали железо, пока горячо. И мне казалось, что в этом доме уже не осталось живых людей, их проглотили собственные тени алчности.

Мы шли с Могилевским вместе до кофейного ларька, и я знал, что он ещё будет сидеть в офисе часов до восьми. Нередко случайные клиенты забредали сюда и после окончания рабочего дня, а директору не хотелось упускать лишнюю копейку. Но пока наши пути ещё не разошлись, я решил высказать ему свои соображения:

– Может, Саньку лучше уйти от греха подальше.

– Как это уйти? – вытаращился на меня Могилевский, будто я обматюгал его.

– Он же работал раньше официантом. Там он, по крайней мере, никого не убьёт, а здесь ему опасно оставаться, – пояснил я свою мысль.

– Так он же никого не убил, – не соглашался директор.

– А если ещё по городу Санькины козырьки начнут падать на головы людям? Как это отразится на имидже фирмы? – привёл я убойный аргумент.

– Да как же я его уволю? – запротестовал Могилевский. – Он может отказаться! Да и вообще, послать меня! Свободный человек – имеет право, что ты такое говоришь!

– Я могу сам с ним поговорить и убедить.

– Не надо! Ты не понимаешь! Санёк мне как сын! – и Могилевский посмотрел на меня такими пронзительно честными глазами, про которые говорят: «им всё божья роса».

Окончив ПТУ в 1992 году, Могилевский решил попытать счастья в малом бизнесе, пришедшем на смену советским кооперативам. Первым местом его работы была полиграфическая фирма «Графит». Ещё недавно директор этой фирмы Липатов был фотографом в проектно-институте. Большую часть рабочего дня он бездельничал и жаловался коллегам: «Как можно жить на 90 рублей?!» Но тут подоспело «время возможностей». Руководство института приватизировало свой объект и стало сдавать его в аренду. Липатов же, выгодно женившийся на дочери главбуха их организации, получил вместе с невестой полиграфический центр института.

Могилевский, наверное, так бы и остался простым работягой, если бы через три года в их фирме не нарисовался новый менеджер, а точнее – приёмщик заказов по фамилии Зайцев, в прошлом бухгалтер. Зайцев сгорал от зависти, наблюдая, какие шальные деньги через его руки ежедневно текут в кассу «Графита». Ему хотелось открыть свою лавочку, но он не имел стартового капитала. Однако то были девьяностые – «время возможностей».

Конечно, не каждому с неба в руки падала невеста с полиграфическим центром в придачу, но если присмотреться... И Зайцев присмотрелся к липатовским сотрудникам. Некоторых из них, в том числе юного Могилевского, ему удалось увлечь за собой сладкоголосыми речами: «У Липатова вы были рабами, а я приглашаю вас в компаньоны».

Три года Могилевский проработал у Зайцева на ручном кустарном станке, занимаясь трафаретной печатью. В отличие от Липатова, который платил своим «рабам» по тем временам приличные деньги – 300 долларов, Зайцев держал своих «компаньонов» в чёрном теле. Но он был очень добрым и душевным товарищем, особенно когда с щенячьими глазами просил Могилевского поработать сверхурочно «за того парня», ведь со временем все остальные «компаньоны» не выдержали спартанских условий и сбежали от директора «Полиграфсер-

виса». А вот Могилевский дотерпел до обещанного светлого будущего, чтобы увидеть, как Зайцев закупит промышленное оборудование, наберёт новых работников, а своего последнего и самого преданного «компаньона» пошлёт на вольные хлеба.

А затем обычному инженеру с завода лимонной кислоты Корнейчуку каким-то чудом перепало два стареньких чехословацких «Ромайора», и он, ошалев, не знал, что делать с таким свалившимся на него богатством. Толковые люди посоветовали ему открыть типографию, а в компаньоны порекомендовали Могилевского. Через пять лет пути компаньонов типографии «Фрегат» разошлись как в море корабли. Корнейчук пересел с «копейки» на «Ниву Шевроле», а потом на «Тойоту Ленд Крузер». Могилевский получил развод от жены и должен был выплачивать алименты на двоих детей, но приобрёл опыт многостаночника. Закончилось дело тем, что Корнейчук послал Могилевского туда же, куда и Зайцев.

Не успел Могилевский прийти в себя, как на него через третьи лица вышел некий Твердохлебов, у которого жена-домохозяйка зудела и жаждала деятельности. И снова речь зашла о компаньонстве. Могилевский просил на печатный станок, но Твердохлебов дал на режущий плоттер, потому что он в сто раз дешевле. Пришлось вместо типографии открывать рекламное агентство, к которому у Могилевского душа не лежала. Но тут ему был послан свыше подарок судьбы в лице Рукавицкого, и директор «Арлекина» решил отыграться на нём за все свои неудачи, да ещё и нажиться.

Об этом я думал, вспоминая и домосливая откровения самого Могилевского, когда шёл домой после работы по оживлённой и шумной центральной улице. В глазах суетливо спешащих по своим делам людей уже поблёскивали огоньки предновогоднего настроения.

Но я находился под впечатлением дня сегодняшнего и смотрел на всё вокруг под иным углом зрения. Вот, например, из магазина «Окна&Двери» с яркими витринными окнами, увитыми, как плющом, мигающими гирляндами, вышли на крыльцо под козырьком две молодые непуганые продавщицы. В накинутах на плечи болоньевых куртках, с комически важным выражением на лицах, будто у одной на голове свернулась колечком в виде шапки персидская кошка, а у другой на макушке горела кремлёвская звезда, они курили тонкие, как соломинки для сока, сигареты и запивали их ванильный дым химозным кофейком из пластиковых стаканчиков. А мне казалось, что этот козырёк тоже дело рук Рукавицкого и что он сейчас дамочловым мечом навис над головами

ничего не подозревающих продавщиц, готовый обрушиться в любой момент.

Когда я утром зашёл в гараж, то сразу в нос ударил тошнотворный запах протухшей рыбы. В воздухе витал едкий сизый дым, от которого сразу защипало глаза, а в уши вонзился пронзительный визг. Рукавицкий зачищал «болгаркой» сварные швы переделанного по моему проекту козырька.

– Привет, – поздоровался я.

Напарник выключил «болгарку», бросил её на стол и, прихрамывая, как легендарный Гефест, поплёлся к компьютерному столу.

– Здорово, – хрипло отозвался Рукавицкий и тяжело опустился на стул.

– Ты всю ночь здесь был?

– До двенадцати ночи, – затуманенным взглядом посмотрел на меня напарник, будто не узнавая, – а в шесть уже снова тут был. Малая всю ночь кричала, голова раскалывается.

Его колбасило, как астронавта, лишившегося скафандра в открытом космосе.

– Может, тебе кофейку? – предложил я убийце-мученику.

– Нет! – он мотнул головой. – Я от этого помойного кофейка уже кровью харкаю. Дай лучше сигареточку.

– Апч! – раздалось у меня за спиной.

Это в гараж вошла Михаловна, а за ней Васильич. Сначала, принявшись и поморщившись от дыма и вони, Могилевский осмотрелся. Удовлетворившись сделанной работой, он повеселел и запел:

– А тебя посадят, миленький Санёчек. А тебя посадят, сизый голубочек.

– Саш, да хватит уже! – одёрнула компаньона Михаловна. – Пусть отработывает!

– Ничего не хватит! – притворно грозно рявкнул Могилевский и мрачно усмехнулся. – Пока из него человека не сделаю, я с него не слезу, Танюш! Ты понял меня, Санёк?! Чтоб не расслаблял булки!

– Саш, да ты заманал! – вскричал Рукавицкий.

– Я тебя ещё не манал! – заорал директор.

– Саш, пойдём чай пить! – в дверях появилась заспанная Ключева с растрёпанными волосами.

Она вошла в гараж в чёрной болоньевой куртке Васильича, накинутой поверх плеч, и прислонилась спиной к стене. Засунув руки в карманы куртки и склонив голову набок, она стояла на одной ноге, как цапля, подогнув вторую в колене и оперевшись подошвой в стену.

Твердохлебова, брезгливо фыркнув, сказала, что она будет в офисе, и вышла, а Могилевский вразвалку направился к Маришке. Он осторожно взял её за узкие плечи своими лапищами, похожими на ласты тюленя, и повёл к выходу:

– Не надо тебе тут стоять, Мариш! Здесь дует и воздух очень плохой!

– Саш, – окликнул директора Рукавицкий, – машина заправлена? А то нам на монтаж надо ехать.

– Садись в машину, Мариш, – вздохнул Могилевский, – придётся нам сначала до заправки прокатиться.

Ключева вышла, а Васильич еще раз критично осмотрел козырёк и спросил меня:

– Не упадёт?

– Мы его с тыльной стороны к стене на анкерные болты закрепим, чтобы он не на одних саморезах держался, – ответил я. – Надо было сразу так сделать.

Директор гневным взглядом потребовал от Рукавицкого объяснений.

– Саш, ну не было у меня тогда с собой анкерных болтов! – затравленно сжался монтажник.

– Я когда-нибудь тебя убью! – сделал страшное лицо Могилевский, а потом снова обратился ко мне. – Ты его проконтролируй, а то я ему больше не доверяю.

– Саш, да сделаем всё на совесть! – заверил Рукавицкий.

– Знаю я твою совесть, Санёк! От неё тюрьмой пахнет! Надёжно сделай! Понял?!

– Понял, Саш.

– Ну так давай, давай, давай, Санёк! – закричал директор, тесня Рукавицкого к монтажному столу своим арбузным пузом, выпирающим из-под серого турецкого свитера. – Я за твой бензин новыми пятыхатками плачу!

Покуражившись, Могилевский вышел, прогрел машину, и они с Маришкой укатили. А Рукавицкий расправил плечи и, хитро заглядывая мне в глаза и скалясь, как динозаврик, загадочно произнёс:

– Мне одному показалось, что Маришка беременна?

– С чего ты взял?

– А ты видел, как он с ней обращается? – и Рукавицкий стал кривляться, передразнивая директора. – Маришка, ты тут не стой, тут дует! Маришка, тут воздух плохой!

– Воздух здесь действительно плохой, – согласился я с Могилевским. – А может, он любит Маришку?

– Ха! Видал я таких любителей! – зло рассмеялся Рукавицкий. – Вот неслучайно мне так показалось! Скоро узнаем!

Однако узнать нам этого тогда не довелось, потому что вскоре Могилевский втянул нас в свою последнюю авантюру.

Эта напасть случилась через пару дней после того, как мы установили переделанный козырёк и

окончательно закрыли вопрос с «посадкой» Рукавицкого. Дело было к обеду. Мы с напарником распускали при помощи метровой линейки и канцелярского ножа лист ПВХ на небольшие прямоугольники для дверных табличек.

Неожиданно дверь широко распахнулась, и в лицо повеяло бодрящей свежестью, а глаза больно кольнуло от ослепительной белизны искрящегося под низким зимним солнцем снега. Могилевский перешагнул через порог и замер, уперевшись правой рукой в притолоку двери. Оглядев нас плутовато блестящими глазами, он запел гнусавым, мяукающим голосом, как его кумир Лагутенко.

– В подворотне их ждёт манья-як! – толстый директор попытался насколько мог по-кошачьи прогнуть спину. – Парочку простых и молодых ребят!

Потом Могилевский вошёл в гараж и, размахивая полупрозрачным пакетом с какими-то продуктами в левой руке, направился к Рукавицкому:

– Па-па-ра-па-ра-па-пам! Па-па-ра-па-ра-па-пам! Санёк, ты маньяков боишься?

– Никого я не боюсь! – хмуро отвернулся Рукавицкий.

– А чё ты тогда шарахаешься от меня?! А не по-ал?! – заорал директор, а потом резко сдал назад и перешёл на спокойный, благодушный тон. – Да шучу я, Санёк, ты же меня знаешь.

– Саш, не дёргай меня, – обозлился и отодвинулся монтажник, – а то я табличку криво отрежу!

– Табьичьку криво отъезю! – передразнил, как маленького, Могилевский. – Санёк, если бы ты был бабой, я бы тебя спросил: «Зачем с большими руками замуж выходила?» Но ты же не баба, а, Санёк?!

– Саш, да хорош тебе!

– Санёк, а как ты смотришь на то, чтобы я до Нового года рассчитался с вами полностью по зарплате?

– Серьёзно? – недоверчиво повернулся лицом к директору монтажник.

– А ты думаешь, я шучу с тобой?! – наигранно возмущился Могилевский. – Санёк, мы живём в России! У нас не принято начинать Новый год с долгами. И я намерен до конца года рассчитаться со всеми, кому должен.

– Саш, да я только за! – радостно воскликнул Рукавицкий.

Его уши покраснелись, попав под «обогрев», исходящий от посулов директора, а на лице от умиления расплылась глупая улыбка.

– Только надо ударно поработать перед Новым годом, пацаны, – взял серьёзный тон Могилевский.

– А что надо делать, Саш?

– Заинтересовал?!

Директор почесал зад и вытащил из кармана джинсов сложенный вчетверо лист бумаги. На

нём мы увидели цветное фото автозаправки где-то в чистом поле.

– Это хутор Редины дворы, – пояснил Могилевский.

– Так это двадцать кэмэ от города, – загрустил Рукавицкий.

– Санёк, я тебя не в Москву зову на заработки, – раздражённо повёл плечами директор. – Что такое двадцать кэмэ? Мы прямо сейчас туда смотаемся! Мне надо бумаги подписать у клиента, чтобы нам денежки упали, а вы посмотрите на фронт работ.

– А обед? – уныло спросил Рукавицкий.

– Где тут у тебя чистая подложка, Санёк? – Могилевский заозирался по сторонам и поставил пакет на стол.

Рукавицкий нагнулся и поднял с пола свернувшуюся в рулон метровой ширины бумагу, используемую как подложку для самоклеящейся плёнки «Оракал». Вдвоём с Могилевским они развернули рулон, держа бумагу за разные концы, и несколько раз встряхнули её, как ковровую дорожку, а потом положили на стол вощёной стороной кверху.

Могилевский достал нарезанный хлеб в кульке, упаковку «пальчиковых» сосисок и майонез в пакетике. Затем он вцепился зубами в пакетик, оторвал от него уголок и сплюнул себе под ноги. Директор выдавил весь майонез на бумагу, и, вооружившись хлебом и сосисками, вместе с Рукавицким они принялись за еду.

Они старательно, низко наклонив головы, собирали майонез с бумаги мягким, как поролон, хлебом и соевыми сосисками, а потом отправляли всё это себе в рот вместе с пальцами, которые смачно обсматывали. Мне вдруг стало не по себе от мысли, что сейчас раздастся характерный хруст и выяснится, что кто-то из них по неосторожности откусил себе фалангу или две.

Они быстро проглотили половину обеда, после чего расстаравшийся и покрасневший директор, смахнув со лба тыльной стороной ладони свою длинную, как хохолок чибиса, чёлку, приглашающе махнул мне рукой:

– А ты чего стоишь? Присоединяйся!

– Нет, спасибо, – отошёл я подальше от стола и наблюдал, как они, урча и сопя, приканчивают остаток обеда.

– Он рыбу любит, – пробурчал с набитым ртом Рукавицкий.

– Ясно, – усмехнулся Могилевский, а потом скомкал лист с распечаткой заправки в «снежок», обтёр ладони и бросил на пол. – Пойдём, Санёк, в ларёк по кофейку, я угощаю.

Через полчаса мы с Рукавицким сидели в офисе на стульях для клиентов, Твердохлебова суетилась

с распечаткой документов, Ключева пряталась за ноутбуком, а Могилевский осторожно расхаживал по тесной каморке и гнусаво распевал, словно передразнивая своего кумира:

– Уходим, уходим, уходим...

Остановившись у Маришкиного стола, директор задвинулся так, будто крутил невидимый об-руч на талии. Выглядело это отвратительно, но ещё отвратней он запел:

– Бьётся родная, в экстазе пылая...

– Саш, вот счёт-договор! – Твердохлебова торжественно протянула Могилевскому бумаги в прозрачной папке.

– Отлично, Танюш! – обрадовался директор. – Тогда мы поехали. Пожелайте нам удачи, девчонки!

– Удач вам, ребят! – насколько могла теплее сказала Михаловна.

– Будь осторожен за рулём, Саш! – пискнула Маришка.

Когда мы сели в машину, я сзади, а Рукавицкий рядом с директором, Могилевский решил включить магнитолау:

– Что это мы без музыки?!

Я представил, что сейчас из магнитолы выползет, как рептилия, Лагутенко, залезет в рот директору и тот окончательно лишится дара человеческой речи и будет изъясняться только текстами «Мумий тролля».

Но совершенно неожиданно для меня раздался дробный голос Цоя: «Белый снег, серый лёд, на растрескавшейся земле...»

И этот голос сопровождал нас весь путь, пока мы неслись по дороге, проложенной через овраги, отчего она местами напоминала американские горки.

– Санёк, план такой! – начал Могилевский, пристально глядя сквозь лобовое стекло. – За неделю вы разбираете стелу, срываете кассеты с навеса, вагонку с потолка, расшиваете колонны...

– Саш, не гони, мы столько не успеем за неделю! – встрепенулся Рукавицкий, словно человек, заметивший, как мухлюет напёрсточник.

– Санёк! За неделю я этот курятник один разберу! А вас двое! Не вешай мне лапшу, Сань. Я ведь тоже не лошок в этом деле, – пристыдил монтажника директор. – Вот, значит, как мы поступим... Сегодня у нас какое?

– Восьмое, – раскис Рукавицкий.

– Сейчас подпишем договор, получим предоплату, – барабанил пальцами по колену Могилевский, обнимая второй рукой руль, – я закуплю композит, ручной фрезер и буду всю неделю шуровать кассеты в гараже, пока вы на заправке. А через неделю мы уже все вместе займёмся монтажом, и числа двадцать пятого я с вами рассчитаюсь по полной, как и обещал.

– Саш, нам бы людей ещё, – канючил Рукавицкий.

– Сань, не нагоняй на меня тоску, – зевнул Могилевский, а потом резко воодушевился. – Знаешь, какая у меня идея, Санёк?! Мы купим кофемашину!

– Зачем? – тупо уставился на директора монтажник.

– Как зачем?! – удивленный апатией Рукавицкого, воскликнул Могилевский. – Ты знаешь, сколько мы денег с тобой в ларёк отнесли?! Однорукие бандиты так не потрошат карманы, как эти кофейные ларьки! А когда у нас будет кофемашина, нам достаточно только закупить кофе, вода бесplatная... Представ-ляешь, сколько мы сэкономим?!

А Цой тем временем продолжал изливать свои мрачные мысли: «Я не знаю, каков процент сумасшедших на данный час, но, если верить глазам и ушам, – больше в несколько раз».

Заправка действительно оказалась в чистом поле, занесённом снегом, как мы уже видели на распечатке у Могилевского. Когда мы втроём выбрались из машины, из людей нам встретился только один таджик с заправочным пистолетом в руке. Он недоверчиво и опасливо покосился на нас, а потом повесил пистолет на колонку и помчал, как сайгак, в операторскую.

Через пару минут оттуда вышел какой-то мужик лет сорока и направился к нам. Кепка, пальто, брюки и туфли на нём – всё было чёрное, как оперение ворона. Он шёл, то и дело пригибаясь, словно у него над головой свистели пули. А за нашими спинами мужественно и решительно звучал голос Цоя: «По-желай мне удачи в бою, пожелай мне...»

Подойдя к нам, этот странный человек продолжал испытывать дискомфорт, беспокойно озираясь по сторонам и поёживаясь от каких-то своих нехороших предчувствий. Он явно боялся открытых пространств, и я подумал, что его тотчас бы отпустило, окажись он в бункере или хотя бы в блиндаже.

– Кто у вас старший? – спросил чёрный человек с несчастным и бледным лицом, настороженно прошупывая нас с головы до ног мутноватым взглядом серых глаз.

– Я директор, – с наигранной слащавой улыбкой на лице ответил Могилевский и дружески протянул свою лапищу.

Качнувшись, как маятник, сначала вперёд, а потом назад, незнакомец молниеносно пожал руку директору:

– Виктор Петрович.

Я успокаивающе улыбнулся нервному человеку, а Рукавицкий предостерегающе оскалился.

– Это моя заправка, – порывисто заговорил Виктор Петрович. – Я её продаю и уезжаю из Рос-

сии. Мне нужно, чтобы здесь всё сверкало. Справитесь до Нового года?

– Да не вопрос! – Могилевский был сама уверенность.

– Тогда по рукам, – засуетился хозяин заправки, надевая очки. – Давайте подпишем договор и начинайте поскорее!

– Не так быстро, – развязно усмехнулся Могилевский. – Как деньги от вас поступят, так и начнём.

– Хорошо, хорошо, – быстро согласился Виктор Петрович.

Они подписали договор «на коленке», и чёрный человек, отличная мишень на белом снегу, пружинистым шагом направился к операторской, снова пригибая голову от свиста одному ему только слышимых пуль.

С понедельника мы приступили к демонтажу старых рекламных конструкций. Сначала разобрали световую стелу, металлический каркас которой стал похож на огромный скелет хемингуэвской рыбы-меч, съеденной акулами. Потом та же участь постигла навес заправки, бывший по площади размером с небольшой бассейн. Здесь пришлось повозиться подольше, потому что работы велись на высоте. Виктор Петрович предоставил нам трёхъярусные леса, а Могилевский нанял грузовик, чтобы вывезти битый композит, из которого собирался наделать халявных табличек.

Стиснув зубы, мы упорно двигали строительные леса по периметру навеса, высверливали и спускали вниз кассеты. Наверху порывы ледяного ветра порой бывали такими сильными, что мы ощущали себя моряками во время шторма. В такие моменты мы хватались за перемычки каркаса навеса и сидели неподвижно на корточках, накинув на головы капюшоны и уткнувшись лицами в колени. Работать в перчатках было неудобно, поэтому руки у нас горели от мороза, словно ошпаренные кипятком.

Однако у нас с Рукавицким было за плечами по два года школы выживания на Русском Севере, где мы учились стойко переносить тяготы солдатской службы. И хотя мой напарник сначала дал слаbinу, сравнивая работу в тёплом гараже и на холоде в чистом поле, всё же мне удалось ободрить его личным примером и напутственными словами: «Шилом бредется солдат, дымом греется».

Тем более, у нас всё было не так уж и плохо. В складском помещении мы перекусывали бутербродами с ветчиной и пили крепкий чай из термоса с рижским бальзамом. В первый же день во время обеда к нам из тёмного угла вышел знакомиться крупный серый сибирский кот с яркими жёлтыми глазами, обитавший на этом складе.

Шуба у него была царская, а вот лапы у бедняги мёрзли от холодного бетонного пола. Когда я сел на хлипкую скамейку, кот, как дрессированный, словно ждал этого момента, запрыгнул мне на колени. Рукавицкий сел напротив меня на другую скамейку. Между собой мы поставили низкие деревянные козлы, приспособив их под стол. Напарник с неодобрением наблюдал за тем, как я раскрошил толстый ломоть ветчины на мелкие кусочки и скормил их с ладони коту.

Бутерброды, чай и рижский бальзам брал в дорогу я. Рукавицкий же кормился непонятно как и раньше – то от моих щедрот жареным минтаем с украинским хлебом, то покупал в ларьке фаготтини с черносливом, от которого его проносило, но чаще хлебал кофеёк из того же ларька и давился «курятиной», выкуривая по пачке за смену. А когда мы стали ездить на заправку, напарник брал с собой одни сигареты, что, если верить Цюю, не так уж плохо на сегодняшний день.

Во вторник утром я взял картонную коробку от монитора и своё старое детское шерстяное одеяло. Как только мы приехали, я сразу занялся обустройством жилища для нашего четвероногого товарища по несчастью.

– В этой стране люди хуже скота живут, а ты хочешь, чтобы коты жили по-человечески, – буркнул Рукавицкий, считая мой поступок блажью.

– И не только коты, – ответил я. – Бери бутерброды.

Напарник спорить не стал и принялся рвать молодыми зубами хлеб с ветчиной. Кот сидел у меня на коленях и внимательно следил за Рукавицким кричащим взглядом: «Оставь кусочек!» Чтобы успокоить его, я погладил пушистика по спине. Кот прищурил глаза и замурчал, будто говоря: «Зачем ты кормишь этого обалдуя? Лучше бы мне отдал его пайку». Свою он уже проглотил.

В пятницу к обеду мы закончили с демонтажом и сидели на складе, согреваясь чаем с бальзамом. Сытый кот дремал у меня на коленях. Я решил, что, когда мы закончим с отделкой заправки, заберу кота к нам в гараж.

– Эх, если бы не семья, – вздохнул Рукавицкий, – взял бы кредит пожирнее да свалил бы в Абхазию с концами.

– Почему в Абхазию? – удивился я, наслышанный об этой маленькой непризнанной захиревающей республике.

– У меня там отец живёт.

Рукавицкий рассказывал, что его мать работает в банке, а про отца до сих пор молчал.

И тут появился Могилевский, которого мы утром предупредили, что закончим сегодня рань-

ше. Он снова нанял грузовик и приехал забрать остатки композита.

– Ну что, Санёк! – насмешливо глянул на Рукавицкого директор, держа руки в карманах джинсов. – Посмотрел я на ваши геройства. Молодцы. Знаешь, что я думаю? Пора нам назначить нового бригадира!

– Кого? – тупо удивился монтажник, глядя, как кот, свернувшийся колечком у меня на коленях, поднялся и выгнул спину. – Кота, что ли?

– Дурак ты, Санёк, – хохотнул Могилевский. – Давайте загрузим композит в машину, и домой!

Когда мы вернулись в гараж, то обнаружили, что там всю неделю конь не валялся. Не знаю, чем занимался Могилевский, но только не работой. Всё оставалось как прежде, только вдоль стен прибавилось снятых нами с заправки композитных панелей. Директор, пряча глаза под чёлкой, объяснил, что заказал материалы в Москве, так дешевле, и они придут на следующей неделе. С тем мы и разошлись по домам. Но сердцем я уловил, что Могилевский лжёт, добром это не кончится, и сердце заныло.

В понедельник ничего не изменилось. Мы с Рукавицким занимались в гараже мелкой работой вроде табличек да уголков покупателей. Могилевский стал тихим и задумчивым. Временами он заглядывал к нам, молча наблюдал за работой и прикидывал что-то в уме.

Во вторник утром директор снова зашёл к нам, тяжело дыша, с пунцовым лицом и горькой гримасой, будто его мучила боль в почках или печени. Бросив на стол телефон, он полез в карман куртки за сигаретами, но тут в окошке мобильника вспыхнул свет, телефон зажужжал и задёргался, как большой крылатый жук, перевернувшийся на спину лапками вверх.

– Почему к монтажу не приступаете?! – раздался строгий голос Виктора Петровича из динамика телефона.

– Материалы ждём, – ответил Могилевский.

– Ты из Китая их ждёшь?

– Из Москвы.

– Скажи честно, тебе денег дать?

– Ничего не надо, всё есть, – пришёл в себя Могилевский и на кураже продолжил своё привычное дело околпачивания заказчиков. – Завтра утром придёт машина с материалами, и я сразу становлюсь фрезеровать композит и гнуть неон, а в четверг ребята будут уже на заправке и займутся монтажом. К новому году всё будет, как и договаривались.

– Ну, давайте, давайте, – опешил от такой импровизации собеседника Виктор Петрович. – Если всё сделаете в оговоренные сроки, я вам всем ещё премию накину. Я козлом никогда не был!

– Я тоже им никогда не был! – патетично воскликнул директор, глаза его увлажнились, а лицо пылало такой подкупающей искренностью, что я инстинктивно отвёл от Могилевского взгляд, вспомнив миф об античном чудовище, которому нельзя смотреть в глаза, иначе превратишься в камень.

В среду никакой машины, разумеется, не было. Зато Рукавицкий, сходящий на разведку в офис, принёс такие новости, за которые в былые времена восточные сатрапы гонцу голову отрубали.

– Влипли мы с этой заправкой, – мрачно сообщил напарник, тяжело опустившись на стул и по-стариковски сгорбился. – Васильич, сука, все деньги спустил.

– Куда? – удивился я.

– Слышал про «одноруких бандитов»?

– «Разбуди Вулкан удачи!»?

– Ну, типа того, – горько усмехнулся Рукавицкий. – Он давно на эти игровые автоматы облизывался, да денег не было, а тут такой куш свалился, хоть днями напролёт играй. Пока мы с тобой на морозе скрюченными пальцами композит отдирали от фриза, этот боров засел за игру и за неделю спустил все деньги.

– Как ты об этом узнал? – усомнился я, хотя такая версия сразу показалась мне правдоподобной.

– Я подслушал, как они с Михаловной в офисе грызлись.

– И как это только хозяин заправки ему доверился? – недоумевал я.

– Эту заправку никто в городе меньше чем за триста тысяч не взялся бы делать, а Васильич предположил за сто восемьдесят и вот этот битый композит забрал в придачу, – пояснил напарник.

– Да этот Васильич прямо змей-искуситель какой-то! Хотя деньги ослепляют того, у кого нет головы.

– Ещё и на сроки нереальные согласился, – буркнул Рукавицкий.

– Мы бы справились, только теперь говорить об этом без толку. Уходить надо.

– Да подожди ты! – испугался Рукавицкий. – Мы же так ничего не получим!

– А на что ты рассчитываешь?

– Ну, я надеюсь, – плутовски улыбнулся напарник, – что Васильич ещё до нового года демпинганёт, перебьёт какой-нибудь крупный заказ и нам заплатит.

– А дальше что? АО «МММ»?

– Да пофигу, что дальше! – отчаянно убеждал Рукавицкий. – Нам бы своё до конца месяца получить! И сваливаем! А Васильич пусть сам выпутывается, это не наши проблемы.

– А ты не подумал, что он и новые деньги в игровой салон снесёт?

212 *Олег Роменко*

– Но он же не совсем больной! – обиделся на мой скептицизм Рукавицкий. – Васильич сука, конечно, но понимает, что если нас кинет, то останется без работников! А без нас ему как без рук! И тогда никаких денег ему точно не заработать.

– Зря ты так думаешь, – печально улыбнулся я.

– Да послушай! У меня чуйка! – кипятился напарник. – Тут осталось полторы недели. До Нового года уже работу не найдёшь, сейчас все бухают. Давай подождём немного!

– Хорошо, но потом пеняй на себя.

Утром в четверг Могилевский зашёл к нам, пошатываясь, с опухшим лицом и заплаканными глазами, словно его покусали осы. Это были последствия скандалов с Твердохлебовой, которая рассчитывала получить свою долю и вернуть мужу деньги за Таиланд, взятые у него в долг на фирму обманным путём через компаньона.

Директор сел на стул, уперся локтем в крышку монтажного стола, а щеку положил на пухлую ладонь, как на подушку. Он муторно засопел, а потом и захрапел. От него жутко несло перегаром. Но тут его неожиданно разбудил мобильник: «А помнишь небо, помнишь сны о молчаньи, юное тело в голубом одеяле...» Могилевский дёрнулся и стал хлопать себя по карманам, будто ловил блох.

– Ты там уснул, что ли? – снова мы услышали негодующий голос Виктора Петровича из телефона.

– Я на работе, – дозированно выдавил из себя три слова Могилевский, как пасту из тюбика.

– На какой ещё работе?! – полыхнул VIP-клиент. – Я уже целый час на заправке! Где ты со своими архаровцами?!

– Мы не сможем сегодня приехать, – глухо отозвался Могилевский.

– А зачем вы туда полезли, если вы ничего не можете! – сорвался на визг заказчик. – Вы мне всю заправку раскурочили! Теперь люди думают, что она не рабочая, и проезжают мимо!

– Послушайте! – Могилевский провёл ладонью, как полотенцем, сначала вдоль одной щеки, потом вдоль другой. – Мы правда не успеваем, но я с пацанами все выходные буду пахать в гараже, и с понедельника мы займёмся монтажом.

– Я уже договор заключил с покупателем! – не унимался клиент. – Как я ему передам заправку в таком виде?!

– Не переживайте, – успокаивал Могилевский. – У нас ещё целая неделя в запасе. Мы всё сделаем, как договаривались.

– Ладно, – остыл Виктор Петрович. – Поверю тебе в последний раз.

Вскоре у Могилевского что-то перещёлкнулось в голове, и он окончательно вжился в роль «голо-

го короля». Подобно сказочному персонажу, который ничуть не стыдился своей наготы, а наоборот, гордился ею, директор «Арлекина» теперь не испытывал najmалейшей неловкости за своё паскудное поведение.

Когда в понедельник утром снова позвонил нетерпеливый владелец заправки, Могилевский, сидя рядом с нами в гараже за столом и неторопливо размешивая капучино в стаканчике кофейной палочкой, похожей на палочку для пуска мыльных пузырей, на голубом глазу ответил:

– Сейчас загружаем машину и выезжаем!

У Рукавицкого от таких слов отвисла челюсть, а глаза от ужаса выпучились, как у жабы. Могилевский спокойно слизал пенку с палочки, звучно отхлебнул жидкость из стаканчика и отрыгнул.

В тот момент мне хотелось, чтобы Рукавицкий увидел в Могилевском себя, когда он, сидя на пляже и зарывшись ногами в песок, врал по телефону директору, что висит на лестнице и долбит стену перфоратором. Но, к сожалению, лишь немногие избранные из рода человеческого способны посмотреть на себя со стороны.

Мы с напарником занялись работой, а Могилевский достал из кармана стилус для телефона и погрузился в интернет, тыкая палочкой на иконки сайтов и маленькие буквы экранной клавиатуры.

Через час мы снова услышали знакомую мелодию его звонка – «А помнишь...»

– Блин, как он меня достал, – директор глубоко зевнул, закрыл замыленные глаза и помассировал их двумя пальцами.

– Ну и где ты, козёл?! – услышали мы грозный рык Виктора Петровича.

– У нас машина сломалась, – уставшим голосом ответил Могилевский. – Мы починим и завтра приедем.

– Слушай сюда! – остервенело заорал клиент. – Я сам к тебе приеду! Я знаю, где твой офис! Я приеду и сожгу вас всех! Ты услышал меня?!

– Услышал, – смиренно вздохнул директор.

– Я тебя ненавижу, мразь! – взвизгнул телефонный террорист и сбросил вызов.

– Пойду-ка я в офис, – встал, кряхтя, Могилевский и принялся растирать ладонью поясницу.

Когда он вышел, Рукавицкий обхватил голову и застонал так, будто у него начал мучительно резаться зуб мудрости.

– Зря я тебя тогда не послушал! Надо было сразу валить!

– Да подожди ты валить, – иронично улыбнулся я. – Неужели ты думаешь, что это он всерьёз?

– А ты думаешь, нет?!

– Бояться надо непуганых идиотов, а этот пуганный. Если бы он действительно был таким отможенным, то сейчас не продавал бы заправку и не бежал из страны, а бился бы за свою территорию, пока ему башку не проломили бы.

– Ты правда так думаешь? А как же заправка? Вот так подарил Васильичу сто восемьдесят тысяч и забыл?!

– Да считай, что подарил их жертве игровых автоматов. Он же хочет уехать из России, а не сесть в ней. Продаст заправку за минусом стоимости её отделки и уедет. Но Васильича он ещё долго будет вспоминать.

– Ну да, ну да, – немного успокоился Рукавицкий, – мы с тобой тоже его не скоро забудем.

Во вторник утром напарник первым делом наведёлся в офис. Оттуда он вернулся радостным:

– Офис цел! Неужто и вправду он только пугал, что сожжёт нас?!

– Было бы чему удивляться, – принимая этот факт как должное, ответил я. – Офис – не Москва, а клиент наш не Наполеон.

– Санё-ёк! – неожиданно вошёл в гараж повеселевший Могилевский с нахальными масляными глазками. – Ты всё лясы точишь, как старый хрыч?!

– Саш, – заговорщически понизил голос Рукавицкий, – а куда Татьяна Михайловна пропала?

– Санё-ёк! – снисходительно ухмыльнулся директор. – У Татьяны Михайловны дети, они болеют, ей надо с ними дома сидеть.

– А-а-а... – притворно понимающе протянул Рукавицкий.

Я сразу понял, в чём тут дело. Когда вчера клиент с испепеляющей ненавистью озвучил Могилевскому свою пожароопасную угрозу, в голове Васильича созрел адский план. Он пошёл в офис и застращал Твердохлебову беспощадными карами, которые посулил им неадекватный клиент, пообещавший самолично произвести над компаньонами обряд аутодафе.

– Тут такая классная тема наклёвывается, пацаны! – закурил и глубоко затянулся Могилевский. – К нам обратился «Мир лекарств». Это крупная аптечная сеть в Черноземье. Если нам удастся за них зацепиться, то у нас постоянно будут заказы, потому что новых филиалов в нашем городе у них намечается до хрена.

Рукавицкий задрал подбородок и плутовски подмигнул мне бойким чёрным глазом, что означало: «Ну что я тебе говорил?!»

– Как только нам упадут деньги, – продолжал Могилевский, – я сразу смотаюсь в «Неон-Дизайн» за плёнкой, и мы забабахаем большую

шестиметровую вывеску на фасаде старого «Виогема».

– А из чего вывеска будет, Саш? – уважительно спросил Рукавицкий непотопляемого директора.

– Санёк, разуй глаза! У нас халявного композита полный цех!

– А зарплату когда мы получим? – вмешался я.

– В пятницу, двадцать девятого, как и обещал, – пробормотал директор, пряча глаза, и сразу за собиравшись в офис.

В пятницу утром мы выехали на монтаж и провозились до трёх часов. Было холодно, и шёл снег. Щёки горели, носы немели, пальцы коченели, перфоратор буксовал в стене, а у Рукавицкого разболелся зуб, видно, застудил нерв. Но мы не могли явиться к Могилевскому за зарплатой, не выполнив свою работу. Напарник сказал, что за этот заказ перечислили тридцать тысяч.

Когда мы наконец закончили и сложили инструмент в машину, то решили зайти в кафешку на первом этаже. «Виогема» был чем-то вроде «Дома быта», только гораздо крупнее по площади. Раньше здесь находился исследовательский институт, а теперь в нём арендовали помещения различные сомнительные ИП и ООО.

В кафешке оказалось несколько высоких круглых столиков без стульев. В тепле нас попеременно бросало то в жар, то в холод. Пальцам больно было вынимать деньги из кармана и отсчитывать их. Мы с Рукавицким взяли по беляшу и по стакану чая. Напротив нас за столом ел человек, похожий на Андропова, профессиональный побирушка, которого я летом видел в «Доме быта». На столе у «погорельца» была жареная картошка с рубленным шницелем, чашка кофе и два заварных пирожных на блюде.

– Может, нам работу сменить? – стрельнул глазами в сторону нашего визави Рукавицкий, видно, он тоже знал этого христарадника.

– Давай Васильичу звонить, – предложил я.

– Сейчас, – Рукавицкий достал мобильник и набрал Могилевского. – Алло, Саш! Ну, мы как бы всё!

– Отлично, Санёк! Возвращайтесь на базу. Я уже всё подготовил, – тут же отозвался директор.

Через пятнадцать минут мы были в «Доме быта». Там всё ещё стояла привычная кутерьма. Народ носился по коридорам, хлопал дверями и постоянно с кем-то совещался по сотовому. Отличие от будничной суеты было в том, что порою из кабинета в кабинет перебегали раскрасневшиеся люди с тарелками, полными закуской еды, вроде оливье или бутербродов с ветчиной и сыром.

Мы поднялись на второй этаж в офис 229, но дверь оказалась заперта. Рукавицкий, словно

не веря, подёргал за ручку ещё несколько раз, потом постучал, приложил ухо к двери и, с ужасом посмотрев мне в глаза, готов был уже расплакаться.

– Надо позвонить, – посоветовал я.

Рукавицкий набрал номер директора, и снова холодный душ: «Абонент временно недоступен...» Потом позвонил я ровно с таким же результатом.

– Я не понял! – Рукавицкий был близок к истерике. – Он, что, сука, кинуть нас решил?!

– Пойдём в гараж вещи собирать, – ответил я и слегка подтолкнул напарника к выходу.

По пути мне пришла мысль, как бы этот ненормальный ещё замок в гараже не поменял, но это было бы уже слишком. Замок оказался прежним. Войдя внутрь, мы увидели на компьютерном столе две бутылки «Советского» шампанского с мерцающими горловинами в серебристой фольге.

– Это что такое? – не понял я.

– А это, типа, он нас с Новым годом поздравил, сука! – нервно хохотнул Рукавицкий.

– А деньги?

– Как видишь, – провёл ладонью по пыльному столу напарник. – Зарплату в конверте он нам не оставил.

Рукавицкий был так удручён, что у меня язык не повернулся сказать ему: «Ну, что я тебе говорил?» Да и самому мне от этого легче не стало бы. Уж чего-чего, а такого паскудного бегства от Могилевского я не ожидал.

– Как я с этим пойду к семье?! – напарник с ненавистью посмотрел на бутылки.

Теперь мне окончательно стало понятно, почему от Могилевского ушла жена с двумя детьми «в никуда». У меня до сих пор оставались небольшие деньги, накопленные с того времени, когда я работал на заводе, но идти домой под Новый год с бутылкой шампанского было мучительно стыдно и больно. Дома ждала мать, она только вышла на пенсию с подорванным здоровьем. Узнав, как со мной поступили, она не подаст виду, а потом всю ночь, отвернувшись к стене, будет тихо страдать.

И мне в один миг представились все эти успешные, построившиеся в рынок на русских костях, скалящиеся, подмигивающие, глумящиеся бесы, вселившиеся в бездушные человеческие оболочки власть живущих. А впереди этого зомби-апокалипсиса полз на карачках Могилевский и, кривляясь и пародируя своего кумира, орал: «Уте-ка-ай!»

А потом перед моими глазами явственно встала чёрно-белая картина из давнего фильма «Аты-баты, шли солдаты», который я смотрел в детстве у бабушки, и жили мы тогда в совсем

другой стране. Я видел, как в окопе притаились наши солдаты, а на них по снежной равнине надвигались чёрные вражеские танки. Я слышал нарастающий рокот моторов, лязг гусениц, а потом услышал бесстрашный голос любимого героя фильма Леонида Быкова, стоявшего рядом в обожжённой, распахнутой телогрейке: «Ну, Хабанера, тащи патроны!»

Я схватил со стола бутылку за горловину и метнул её как гранату. Она с оглушительным треском разбилась, оставив на кирпичной стене гаража мокрое пятно, а брызги и осколки разлетелись в разные стороны.

– Да, ты прав, – поддержал Рукавицкий и грохнул свою бутылку шампанского об стену.

– Ты говорил, у тебя мать в банке работает. Поезжай к ней. Займёшь денег, потом устроишься на работу, отдашь.

– Ничего другого не остаётся. Это у меня уже третья работа в наружке за последний год. Коммерсы к работникам относятся хуже, чем к скоту.

– Ничего, – ответил я, всё ещё находясь под впечатлением вспомнившегося мне фильма. – Русские не сдаются.

– Да тут русских уже почти не осталось! Одна мразь кругом!

– Знаешь, что в Писании Богом сказано? Там, где двое соберутся во имя Моё, там третий буду Я.

– Что же ты за человек? Никогда таких не встречал, – с ехидцей всматривался в меня Рукавицкий глазами безалаберного бесёнка. – Ну да ладно. Давай вместе искать работу!

– Будем прорываться поодиночке, так больше шансов. Подвернётся что путное тебе или мне, созвонимся. А сейчас закрываем гараж, сдаём ключ на вахте и с вещами на выход. Добро пожаловать в 2007 год, дети страшных лет России.

– Осторожно! Здесь могут быть осколки, – предупредил Рукавицкий, светя под ноги телефонным фонариком, а потом, обернувшись, погрозил кому-то во тьму. – Ну, суки, пусть земля вам будет битым стеклом!

* * *

Пятнадцать лет спустя, когда я задумал навести справки о действующих лицах «Рекламщиков», то в который раз убедился в такой неприятной закономерности – значительная часть описываемых мною персонажей, как в этом, так и в предыдущих рассказах, словно в воду канули. Ни в соцсетях, ни где бы то ещё они не засвечены. И только расходятся круги по воде от весла мрачного паромщика, плывущего по реке времени.

Так и в этот раз я не нашёл никаких сведений о Саньке Рукавицком и Маришке Клюевой. Хотя первые годы после ликвидации «Арлекина» в мае 2007-го я встречал их обоих в городе. При каждой встрече с Рукавицким оказывалось, что он снова сменил работу, а его затравленный вид внушал мне беспокойство за его дальнейшую судьбу.

Маришку я видел один только раз в ТРЦ «РИО» в кафе с пухлым мальчиком лет пяти, лицом, как две капли похожим на её бывшего директора. Мальчик болтал ногами, сидя на высоком стуле, дёргал плечами, будто в танце, и вымачивал кусочком пиццы остатки кетчупа на одноразовой тарелке.

А вот Могилевский с Твердохлебовой вернулись на круги своя. После банкротства «Арлекина» Михайловна открыла турагентство «Вояж», но прогорела в 2014 году. Она снова стала домохозяйкой и теперь часто гуляет с внуками в парке Победы у Везёлки с таким же кислым, злым лицом и красными глазами.

Её бывший компаньон Васильич накуролесил в родном городе так, что почёл за благо стать внутренним гастарбайтером. Теперь он живёт в Москве и трудится в типографии простым рабочим. С чего начинал, к тому и пришёл. Вот только его безответственное путешествие во времени принесло много горя и страданий людям, связавшим с ним свою судьбу.

Сам я за это время сменил несколько работ. Ситуация, знакомая каждому молодому человеку. Ты

веришь, что где-то есть и достойная зарплата, и человеческое отношение к сотрудникам. Однако со временем понимаешь, что это не про современную Россию. «Великая криминальная революция» подняла с мутного дна множество халявщиков и хабалок, ставших неотёсанными коммерсантами. По законам любой цивилизованной страны, в том числе и часто поминаемого в последнее время СССР, деятельность российских предпринимателей подпадает под статью о спекуляции, потому что их нормы прибыли в десятки раз превышают общемировые. Но такое ненормальное положение дел, когда для спекулянтов создан рай, а для всех остальных ад, не может продолжаться долго, потому что «всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит».

□

Олег Сергеевич РОМЕНКО

родился в Белгороде.

Стихи и проза публиковались в журналах

«Наш современник», «Нева», «Север», «Нижний Новгород», «Южная звезда», «День и ночь», «Ротонда», «Северо-Муйские огни», «Дрон», «Звонница» и других.

Редактор литературного журнала «Дрон».

Лауреат и член жюри региональных литературных конкурсов и фестивалей.

Автор книги стихотворений «Волны времён», книги сказок для детей «Трепетные комочки».

Помощник руководителя литературной студии «Младость».

